

Смерть в семье: как скорбят родители и дети

Год издания и номер журнала: 2003, №4

Автор: Волкан В. / Зинтл Э.

Комментарий: Глава из книги "Жизнь после утраты: психология горевания", которая готовится Институтом практической психологии и психоанализа к выходу в свет

Семейный врач направил ко мне Салли потому, что ее проблемы начались несколько лет назад после смерти от рака мужа Малкольма. В добавок к этому она беспокоилась, что ее дети чрезмерно поглощены Малкольмом. После выслушивания истории я без труда понял ее дилемму. Ее супруг придал новое значение выражению "крепко держаться за жизнь".

С того момента, как Малкольм понял, что болен раком на последней стадии, он отгородился от несправедливости жизни, обрывая все разговоры. Салли вспоминала попытки облегчить его дистресс, переживаемый вплоть до момента смерти. В свои последние месяцы Малкольм достал долгосрочный календарь и педантично спланировал возможную семейную жизнь на следующие десять лет. Он написал серию писем для чтения, посвященных каждому крупному празднику, дню рождения, окончанию учебного заведения и годовщине. В этих посланиях он предлагал стратегии обучения мальчиков и их карьеры, напоминал об их месте в мире и убеждал никогда не позволять, чтобы память о нем умерла. "Думайте обо мне сегодня, гоня в футбол с мальчишками пока мама готовит индейку", - гласило одно из посланий для Дня Благодарения.

Желание Малкольма дать своим детям возможность узнать, каким он был человеком, каких принципов он придерживался и что ему было дорого, несло в себе возвышенные элементы. Несомненно, что в первые месяцы после его смерти эти письма были утешением для семьи. К сожалению они также поддерживали в семье состояние поглощенности горем. Эти письма включали интенсивные чувства: панику Малкольма и гнев на смерть, потребность быть бессмертным и неспособность отказаться от контроля над своими мальчиками.

То, что послания были приурочены к праздникам, только усугубило положение вещей. Праздники и другие семейные события являются важными вехами в горевании; они подтверждают смерть. Чем больше праздников без папы, тем больше появляется реальности, связанной с его смертью. Со следующим прошедшим праздником каждый все больше привыкает к утрате. Письма Малкольма возобновляли горе.

Каждая семья уникальна, поэтому любое обсуждение последствий утраты внутри семейного объединения должно быть общим. Факторы риска, которые обсуждались в главе IV, относятся как к отдельным личностям так и к семье. Например, способность личности к переживанию горя может быть перегружена серией утрат, то же касается семьи. Так же как у человека может разрушиться ощущение себя, когда кто-то умирает, так же подвергается опасности и ощущение идентичности и судьбы в семье, когда исчезает важный ее член.

Семейный сценарий возникает из совместной истории, мифов, традиции, предыдущих утрат и личных ожиданий. Эти мощные силы управляют драмой, подчиняющей себе каждого члена семьи, даже тех, для кого эти роли солужили плохую службу. Как мы все теперь знаем, то, как мы функционируем в нашей изначальной семье, может очень сильно отличаться от того, как мы ведем себя с другими в этом мире. Человек может быть компетентным в профессиональной жизни, но связанный своей проистекающей из детства ролью того, кто доставляет семье проблемы. Насколько хорошо семья восстановится после смерти зависит от того, насколько сложно исполнять роль утраченного члена семьи.

Процесс горевания требует приспособления многих ролей, которые мы играем в нашей жизни, под внешнюю реальность, включая роли, отведенные нам многие годы назад в наших изначальных семьях. Позвольте мне объяснить. В процессе роста все мы приходим к пониманию себя как людей с идентичностями, имеющими многие аспекты. Я - муж, психоаналитик, американец турецкого происхождения, отец, большой любитель кино, но я также сын, брат и тот человек в своей семье, которому предназначалось занять место моего погибшего дяди.

Это то, что в психоанализе называется термином проективная идентификация.¹⁾ Она имеет место тогда, когда человек приписывает часть себя другому человеку. Иногда я замечаю, что пациент воспринимает меня как ребенка; более пристальный взгляд обнаруживает, что он спроецировал свое детское Я на меня. Многие психоаналитики описывали то, как такие проективные идентификации работают в семейной системе.²⁾ Один член семьи становится резервуаром для различных аспектов Я другого. Например, некогда я знал довольно авантюрного мужчину, который жаловался, что его сын слишком застенчив. Однако более внимательный взгляд на семейную систему обнаружил, что отец имел причины быть заинтересованным в том, чтобы сын был таким. Будучи сам ребенком отец был довольно замкнутым мальчиком, но развил свою самоуверенность в качестве защиты. С рождением сына он передал (или спроецировал) свое робкое Я своему сыну, хотя неосознавал этого. Таким образом этот мужчина не был заинтересован видеть сына более смелым. Когда мальчик проявлял признаки бесстрашия, он тут же напоминал ему про многочисленные опасности, населяющие мир.

В других проективных идентификациях член семьи бессознательно уполномочивается принять на себя старую роль. Например, мать может решить (бессознательно), что ее дочь является олицетворением ее ненавистной сестры. В результате этого она может соперничать и отрицать любовь к своему ребенку так же, как она это делала по отношению к сестре. Член семьи может быть пропитан позитивными установками и рассматриваться как семейный спаситель. (Проективные идентификации не всегда имеют деструктивные элементы).

Когда член семьи, получивший проективные идентификации, исчезает, семейная динамика должна быть переработана. Оставшийся в живых должен разыскать другого ребенка или сиблинга (брата или сестру), чтобы переместить эту роль или столкнуться с необходимостью принять аспект себя, который он спроецировал на утраченного члена семьи.

ТИП СМЕРТИ

То, как член семьи умирает и то как с этим обходятся, влияет на способность группы к гореванию. Внезапная или насильственная смерть является одной из самых тяжелых для оплакивания, что обсуждалось в главе IV. Самоубийство со скрытой виной, стыдом и позором, добавляемым к внезапности и насилию, предрасполагает семью к осложненному гореванию. Не только потому, что перед суицидом в семье существовал стресс, но и потому, что все члены семьи могут бороться с виной, вызванной мнением, что не было достаточно сделано для того, чтобы "спасти" жертву.

Дети, теряющие родителя из-за самоубийства, часто верят в свою причастность к несчастью или, по крайней мере, считают себя виноватыми в том, что не смогли облегчить боль. Такие комментарии родителей как "ты сводишь меня с ума", имеют свой отклик и могут мучить ребенка на протяжении всей жизни. Утрата родителя по причине суицида также может быть основой для суицидальных мыслей у ребенка благодаря бессознательным идентификациям.

Более того, тот кто делает выбор в пользу ухода, провоцирует гнев у тех, кого оставил. Этот гнев часто подавляется, потому что кажется неприемлемым гневаться на кого-то, кто умер насильственно или совершил суицид; жертва и так достаточно наказана.

Семьи, которые лучше всего оправляются от утраты - это те семьи, которые обладают достаточно здоровой структурой (нет чрезмерного количества проективных идентификаций) и сильным ощущением семейной идентичности. Говоря по существу, в переживании горя помогает традиция честности и уважения внутри семьи; каждому члену семьи должно быть позволено излить чувства и задавать вопросы. Идеально, если фактами о смерти делятся с каждым членом семьи в соответствующей возрасту манере и поощряется участие в ритуалах горевания.

КОГДА РОДИТЕЛИ ТЕРЯЮТ ДЕТЕЙ

После смерти своей дочери Софии Фрейд написал другу, что пережить ребенка - это чудовищная вещь.²¹ Это наиболее тяжелая утрата, которую оплакивают люди. С зачатием ребенка родители бессознательно привыкают к ощущению будущего как к чему-то, что включает этого ребенка. Со смертью ребенка родители утрачивают не только дорогую связь, но и спланированное в представлении будущее. Таким образом смерть может быть слишком тяжелой, чтобы справиться с ней. Также смерти детей часто осложняются виной. Являясь

родителями мы убеждены, что должны как-то защитить наших детей, даже когда они вне нашей опеки.

Смерть ребенка, жившего с родителями, нарушает равновесие в семье; если такая утрата не объединяет семью, она может привести к безвозвратному разрыву, когда члены семьи стараются обрести смысл утраты и дают выход своему гневу и вине. Я знал пару, которая потеряла двоих детей в авиакатастрофе. Муж проводил недели, отмахиваясь от нападок жены, выражавшихся в том, что детям до подросткового возраста рано одним летать на самолете. Крушение было вызвано неполадками в двигателе, но жена обвиняла мужа в том, что он позволил им лететь, и связь между супругами была разрушена.

Возможно ли когда-нибудь оправиться от утраты ребенка? Я не уверен в этом. Фрейд писал своему другу в день, когда его дочери должно было бы исполниться тридцать шесть лет: "Хотя мы знаем, что после такой утраты острое состояние горя утихнет, мы также знаем, что останемся безутешными и никогда не найдем замены. Не имеет значение, что может заполнить брешь, даже если она будет полностью заполнена, все же это останется чем-то другим."⁴ И действительно, именно так должно быть. Это единственный путь навсегда сохранить ту любовь, от которой мы не хотим отказаться.

Некоторые родители адаптивно направляют свое горе в организации, чья деятельность посвящена предотвращению таких смертей. Например, Handgun Control, Inc. - организация по лоббированию законов, вводящих ограничение или запрет на обладание личным оружием, была учреждена родителями, чей сын был убит случайным выстрелом; "Матери против вождения в состоянии опьянения" - другая организация, предпринимающая меры по искоренению вождения в состоянии опьянения и призывающая на свою сторону родителей, чьи дети погибли в автокатастрофах, связанных с алкоголем. Анни Блейк, чья дочь Долорес умерла от СПИДа, решила оказать помощь в приподнятии завесы молчания, связанной со смертями от СПИДа. Она говорит о своей утрате в группах и работает консультантом по тяжелым утратам в Госпитале Св. Винсента в городе Нью-Йорке. Это творческие отклики на страдание.

ОПЛАКИВАНИЕ ВЫКИДЫША

Одна из пяти беременностей заканчивается выкидышем. Тем не менее наша культура необыкновенно бесцеремонна к таким утратам. Мы часто не отдаем себе отчет в том, что родители установили глубокую связь с нерожденным ребенком и что они нуждаются в оплакивании этих отношений. Вместо этого наши общепринятые, исполненные благих намерений комментарии умаляют значение этой связи. Мы говорим родителям, что очень сожалеем, затем добавляем, что у них еще будут другие дети. Порой мы высказываем предположение, что выкидыш без сомнения был благом, потому что у плода могли быть врожденные дефекты. Выкидыш часто вызывает ощущение провала и неадекватности у обоих родителей, но особенно у матери, и если она не

позволяет себе горевать, у нее могут быть длительные трудности, связанные с утратой.

УТРАТА БРАТА ИЛИ СЕСТРЫ

Когда я был подростком, моя семья поехала в деревню, где отец провел свое отрочество, чтобы навестить родственников во время деревенского праздника. Наши родственники участвовали в представлении, знаменующем начало торжеств; костюмы и реквизит были разбросаны по всему дому. В какой-то их моментов, когда мы с сестрой баловались, я поднял то, что считал бутафорским ружьем и прицелился ей в голову. Наш хозяин пронзительно закричал, что ружье заряжено. В ужасе я бросил его. За прошедшие годы память об этом стерлась. В 80-х годах моя сестра приехала ко мне в Вирджинию. Тогда у нее нашли опухоль в мозге и направили в госпиталь Университета Вирджинии. Незадолго до ее операции мне был нужен массаж. Массажистка сказала, что мое правое предплечье и кисть в напряжении, и она начала интенсивно растирать предплечье. вспыхнуло воспоминание о моей правой руке, направляющей ружье в голову сестры, и затем я увидел разлетающиеся мозги, после чего меня пронзила вина. Я уверен, что это чувство было разбужено тем, что мозг моей сестры был снова в опасности.

Сестра не умерла, тем не менее даже угрозы ее утраты было достаточно для того, чтобы я погрузился в переживание горя, и мои отношения с ее психическим двойником интенсифицировались. Она несколько дней оставалась в коме, и в это время я очень много думал о ней. Я пользуюсь этой историей чтобы показать, как оживает детская динамика, когда уже взрослыми мы теряем - или находимся под угрозой утраты - своего брата или сестры. Бессознательно мы просматриваем в воображении этапы общего детства.

В моей профессии всегда подчеркивается противоречивость взаимоотношений между братьями и сестрами, так называемое соперничество между детьми (детская ревность). Но клинические исследования также показывают, насколько положительными и полезными являются взаимоотношения между братьями и сестрами. Например, наличие брата или сестры учит нас как делиться, как общаться, как договариваться с равным себе и как быть ответственным. Эти положительные аспекты подвергаются пересмотру после смерти брата или сестры. Также оживают конфликты. Пересмотр неизбежно вызывает стремление, вину или гнев к брату или сестре, и это может быть приглушенным и выдерживаемым или расстраивающим.

В конечном счете утрата брата или сестры знаменует конец детской иллюзии, что все мы состаримся вместе. Больше того, смерть является предвестником грядущего. "Когда умирает брат или сестра", замечает писательница Барбара Эшчер после смерти от СПИДа своего брата, "смерть тащит нас за шкуру. Она не ослабит свою крепкую хватку. 'Ты тоже' говорит она. 'Да, даже ты.'⁵⁾ Оплакивая смерть брата или сестры мы горюем и о себе.

РЕАКЦИИ ДЕТЕЙ НА УТРАТУ

Существует общепринятое мнение по поводу двух моментов, связанных с утратами в детстве. Мы знаем из учения о бессознательном, что расставание, даже для маленького ребенка, переживается как отрывание. Второе, мы знаем, что чем больше у ребенка было переживаний с утраченным человеком и чем лучше он может поддерживать в себе психического двойника, тем скорбь ребенка будет ближе к скорби взрослого.

Однако, чтобы понять как приблизительно станет реагировать на смерть каждый данный ребенок, существует множество обстоятельств: возраст ребенка и его врожденная устойчивость, надежность домашнего окружения, тип смерти и способность взрослых обеспечить замену и утешение.⁶¹

Но вначале мы должны рассмотреть способность ребенка понимать само понятие смерти, меняющуюся с возрастом.

До двух или трех лет дети, утратившие важную фигуру в своей жизни просто чувствуют, что что-то утрачено, ощущение, неотличимое от чувства голода. Горе взрослого включает в себя освобождение от психического двойника утраченного другого. Но у ребенка в этом возрасте еще не сформировано постоянство объекта (способность формировать и поддерживать психического двойника другого), и поэтому его горе не похоже на горе взрослого. У него будет или опыт развития с одним родителем - с родителем, подавленным горем. Он создаст фантазийный образ утраченного человека и будет пытаться сохранять его.

В возрасте двух или трех лет ребенок может быть способным кое-что понять о смерти с помощью взрослого просто потому, что он наверняка видел что-то мертвое - жука, цветок или домашнее животное. Один маленький мальчик четырех лет хладнокровно принял известие о том, что его отец ушел на небо. Через три месяца он был опечален, когда отец не пришел на его представление в детском саду. Мальчик решил, что нет никакой разницы между небесами и любым другим местом. Дети могут выражать неспособность понять смерть в таких комментариях как "Я знаю, что ты сказал мне, что мама не вернется, но я хочу позвонить ей по телефону."

От пяти до десяти лет смерть видится как обратимая и временная, что ведет к своего рода желанию/представлению, заключающему в себе тайную веру ребенка, что другой не умер. Между пятью и девятью годами ребенок знает, что смерть есть, но не думает, что это может произойти с ним. После десяти лет у детей более реалистичное представление о смерти и ее необратимости.

Реакции детей предпубертативного возраста на утрату часто выглядят странными для взрослого, совсем не то, что мы ожидаем от убитого горем человека. Ребенок может проявлять более видимую печаль на смерть домашнего животного, чем на смерть члена семьи. Горе, вызванное смертью домашнего

любимца больше поддается управлению, поэтому ребенок может позволить себе выразить его. Столкновение со смертью важного взрослого может быть слишком угрожающим, поэтому бессознательно ребенок отрицает ее и не проявляет признаков печали. Писатель-романист Брюс Даффи вспоминает, что его семья думала, что он ничего не чувствовал, когда потерял мать в одиннадцать лет, что у него только "дикое, отвратительное пристрастие хохотать в неподходящее для этого время."²Казалось, что бессознательно он не мог выдержать печальных чувств, поэтому, не отдавая себе отчета, заменял их на смех. Происходит полная перемена аффекта.

ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ

Как обсуждалось ранее, подростковый возраст является психобиологической репетицией горевания. Подростки бессознательно ослабляют свои связи с родителями, переносят свою преданность на ровестников. Взрослая модель переживания горя устанавливается после успешного завершения подросткового возраста.

ПОСЛЕДСТВИЯ УТРАТЫ В ДЕТСТВЕ

Когда ребенок подрастает, он учится преодолевать различные страхи и фантазии: страх расставания, страх не быть любимым, страх телесного ущерба и страх не соответствовать чьим-то ожиданиям. Когда происходит драматическая утрата, она преломляется в детской психике, становясь драмой развития. Тем или иным образом ребенок чувствует обвинение и может или вытеснить или увязнуть в нем.

Давайте рассмотрим гипотетический случай Эйба и обсудим возможные реакции на утрату в разном возрасте. Эти сценарии предназначены для того, чтобы показать длительное воздействие утраты в ее наибольшей тяжести. Они не для того, чтобы внушить, что утрата в детстве обязательно приводит к проблемам в жизни.

Если бы мать Эйба умерла до того, как он смог бы поддерживать ее психического двойника в возрасте двух лет, позже он создал бы ее придуманный образ. Без эффективной поддерживающей заботы он может вырасти и стать взрослым, который постоянно ищет женщин, но не может оставаться верным ни одной из них. Или Эйб может занять противоположную позицию и стать чрезмерно зависимым, крепко держаться за одну, женщину, возможно старше него. Если бы смерть матери наступила, когда Эйбу было два или три года, он мог бы вырасти с чувством, что в нем есть что-то, недостойное любви. Определенно в нем может развиться чувство, что он имеет право на любовь и внимание каждого. Если бы отец Эйба умер между тремя и пятью годами, то есть во время эдипового соперничества с отцом, он мог бы вырасти тем, кто склонен к конкуренции. Малейшая провокация, как, например, невежливое замечание начальника, могло бы ощущаться как вызов. Или Эйб мог бы избрать другой путь и постоянно искать сильного отца для

идентификации. В конкуренции Эйб мог бы стать как высоко агрессивным, так и стремящимся избежать соперничества, потому что эдипова вина ведет к переживанию успеха как угрозы, избияния или даже убийства другого.

Когда ребенок подрастает, он развивает фантазийный образ отсутствующего родителя, который может весьма отличаться от образа родителя ребенка из полной семьи, так как его формирование происходит без корректировки опытом реального взаимодействия. Например, ребенок шести лет может идеализировать свою мать как исключительно любящую и могущественную. Когда он подрастает, его представление о ней как о матери- сказочной принцессе изменится, так как он начнет видеть ее недостатки и частично переделывать своего психического двойника. Если мать умирает до того, как сформируется ее реалистичный образ, у него будут трудности в нахождении людей, соответствующих ей.

Очень велика вероятность того, что дети, которые потеряли родителя до полного достижения ими подросткового возраста и если при этом в их жизни не было хороших заместителей родителей, и им не была оказана помощь в оплакивании станут вечноскорбящими. Родитель становится "утраченной нетленной" фигурой, которой всегда не хватает.³¹ Ребенок-рассказчик в Домоводстве Мэрилин Робинсон объяснял: "Моя мать оставила меня, сказав чтобы я ее ждала, и тем самым привила мне привычку ожидания и предвкушения того, чего не происходит. И это делает текущий момент более значительным."³² Это то, что произошло с Барбарой, потерявшей своего отца в возрасте четырех лет.

БАРБАРА

Барбаре было четыре года, когда ее отец погиб в авиакатастрофе. Его работа в ФБР требовала частых разъездов, поэтому в начале его смерть не оказала заметного влияния. Когда мать сказала ей, что он никогда не вернется обратно, Барбара не была настолько взрослой, чтобы постичь необратимость смерти. Вместо этого по ночам она начала мечтать, что он вернется. В этом возрасте ребенок верит, что желание магическим образом может исполниться. Она все время так хотела, чтобы отец вернулся, что постепенно в ней выросла уверенность в том, что ее желание исполнится; он был жив - такова была "правда".

Когда Барбара подросла, интеллектуально она понимала, что ее отец погиб. Но ее предыдущее желание-реальность продолжало жить в бессознательном. В этом тайном уголке души Барбара развила теорию, что ее отец тайно работал. Она представляла его как современного Элиота Несса - виртуозного мужчину, пожертвовавшего личным благополучием в семейной жизни для того, чтобы избавить нацию от врагов.

Мать повторно вышла замуж, когда Барбара была студенткой предпоследнего класса средней школы. Барбара нашла своего отчима вполне безобидным, но не

идушим ни в какое сравнение с ее героем-отцом. Когда мать сказала ей по секрету, что у нее никогда больше не будет детей, Барбара быстро расценила это как знак того, что мать также знает, что отец жив. В следующий момент Барбара выбросила эту идею из головы как надуманную.

Будучи подростком, Барбара мало проявляла свойственную им озабоченность рок-звездами, спортсменами и кинозвездами. Вместо этого она с жадностью проглатывала детективную беллетристику и полицейские сериалы по телевидению. Она никогда не связывала свой энтузиазм с отсутствующим отцом, чье имя редко упоминалось. На протяжении всей средней школы и колледжа Барбара была образцовой студенткой. После колледжа она стала высматривать женатых мужчин старше себя - следователей, прокуроров, адвокатов - тех, кто имел дело с преступниками, отдавал их в руки правосудия.

В начале этих любовных историй Барбара была в эйфории от того, как она будет рассказывать друзьям, что ей посчастливилось завести настоящего роман. Через четыре-шесть месяцев роман шел на спад и Барбара становилась мрачной. Она искала ссор, и через некоторое время мужчина оставлял ее. Оставаясь снова одна, Барбара впадала в депрессию и наказывала себя самокритикой. Через несколько месяцев появлялся другой "совершенный мужчина" и Барбара приходила в себя. Цикл повторялся пять раз в течение приблизительно четырех лет. Потом Барбара встретила Джастина. В соответствии с ее стереотипом Джастин был старше ее и женат. Он хранил свою работу в секрете и внезапно уехал из города "в командировку", что навело Барбару на мысль, что он тайный агент. За несколько месяцев Барбара стала раздражительной и не могла спать. Когда ей удавалось вздремнуть, ее тревожили сны. В одном ей приснилась взрослая женщина, гуляющая за руку с маленькой девочкой. Другой рукой она вела за поводок послушного щенка. Ребенок попытался приблизиться к щенку, и он превратился в ужасную змею.

Джастин пришел в ярость, когда Барбара попыталась порвать с ним. Он начал преследовать ее. Однажды ночью он выломал дверь квартиры Барбары, избил и нанес ей серьезные раны, когда Она пыталась защититься и запереться от него. Она все еще плакала после того, как в отделение скорой ей наложили швы и отправили в психиатрическое отделение.

В результате выявления у Барбары циклов подъемов и спадов врачи диагностировали у Барбары биполярное расстройство, известное неспециалистам как маниакальная депрессия. Один из ее докторов был уверен, что ранняя смерть отца оказала свое влияние и позвал меня для консультации. Я согласился с этим, и Барбара начала амбулаторное лечение с моим молодым коллегой под моей супервизией.

В ходе психотерапии всплыло, что романы Барбары с женатыми мужчинами были поисками отца также как ее подростковое пристрастие к детективным зрелищам. Барбара никогда не оплакивала своего отца во многом из-за того, что четырехлетний ребенок не способен отпустить такую важную фигуру без

адекватной замены. Она не могла позволить никакому мужчине заменить его, потому что ее отец "жил". Став привлекательной для мужчины, она проецировала фантазию образа отца на него - и воодушевлялась от того, что "нашла" папу. Отношения с неизбежностью были предопределены, потому что она разочаровывалась, когда этот совершенный мужчина оказывался просто человеком. В то же время (потому что бессознательное не работает логически) роман вызывал в ней чувство вины из-за своего инцестуозного подтекста. Как-никак она спала с папой, который по существу принадлежал маме. Во сне она была маленькой девочкой, превращавшей щенка мамы в отвратительную змею. Когда вина переполняла ее, она провоцировала окончательную ссору и избавляла себя от любовника. Цикл завершился: она любила его, он любил ее, но они не могли быть вместе. Таким образом она воссоздавала сценарий любви-и-покинутости своего детства: поиск папу, его нахождение и его утрату.

В психоаналитической терапии Барбара переносила многие из этих чувств на своего терапевта. Бессознательно она вкладывала в него все эмоции, которые она когда-то проецировала на любовников и на умершего отца. Через некоторое время она смогла вспомнить свое детство, понять и переработать его в терапевтической обстановке. Так Барбара потихоньку начала горевать, оставляя своего терапевта/отца. Она постепенно смогла перестать искать отца в каждом встреченном ею мужчине. Она больше не была обречена на повторение цикла, потому что разрешила отношения со своим отцом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ Этот термин ввела Klein, Melanie (1946).

²⁾ Shapiro, Edward R. and et al. (1975).

³⁾ Sigmund Freud's (1929) Letter to Ludwig Binswanger. Смотри Freud, Ernst L. (1960), p. 386.

⁴⁾ Freud, Sigmund (1929).

⁵⁾ Ascher, Barbara, New York Times, Nov. 19, (1989), p.30.

⁶⁾ Подробное обсуждение этой темы смотри Bowlby, John (1980); Raphael, Beverly (1982). Смотри также Nagy, M. (1948); Piaget, Jean (1951); Furman, Robert (1973); Furman, Edna A. (1974).

⁷⁾ Duffy, Bruce (1990), p. 71.

⁸⁾ Dietrich, David R. (1989), p. 287.

⁹⁾ Robinson, Marilynne (1980), p. 214.